

А.И. Кобзев

ИВ РАН, МФТИ, РГГУ

Синие черти против тамплиеров

Первые достоверные сведения о трагической биографии блестящего отечественного синоведа Ю.К. Щуцкого (1897–1938) мы смогли опубликовать лишь в последние, перестроечные годы Советского Союза [18]. До этого в справочной и синологической литературе вообще не указывался или неправильно и по-разному указывался даже год его гибели: 1941 и 1946 (подробно см. [20]), что было порождено дезинформацией компетентных органов, которые сначала скрывали расстрел с помощью дьявольского эвфемизма «десять лет без права переписки», а затем, видимо, стремясь к правдоподобию, в «оттепельной» справке о посмертной реабилитации в 1958 г. «продлили» его жизнь до 1946 г.

Благодаря открывшемуся после крушения СССР доступу к архивам спецслужб и обнаружению соответствующих материалов стало возможным уточнить и нашу «Краткую биографию Ю.К. Щуцкого» [18; 20]. В частности, следуя неопубликованным мемуарам М.Н. Соловьёвой – племянницы Ю.К. Щуцкого (дочери его сестры Галины Константиновны), датой его ареста мы указали 03.08.1937 г. [20, с. 51]. Эта же дата указана дочерью учителя и покровителя Ю.К. Щуцкого академика В.М. Алексеева (1881–1951) – М.В. Баньковской (1927–2009) [13, с. 121], посмертно опубликовавшей фрагменты из мемуаров М.Н. Соловьёвой [31], и авторами «Библиографического словаря востоковедов – жертв политического террора» [15, с. 433]. Однако ещё в 1994 г. более точную дату – 2 августа – привёл другой исследователь судеб репрессированных востоковедов А.М. Решетов (1932–2009) [29, с. 577]. Её подтвердила публикация архивных документов, осуществлённая А.Л. Никитиным (1935–2005) [28, с. 304].

© Кобзев А.И., 2013

Также в 1994 г. сотрудник НИПЦ «Мемориал» Д.В. Елесин в сборнике докладов научной конференции «Общество и государство в Китае» впервые опубликовал «крайне интересные и неожиданные новые данные» о причине ареста Ю.К. Щуцкого [16, с. 75–76]. Эти сведения он получил от М.Н. Соловьёвой, сумевшей в 1990 г., по свидетельству М.В. Баньковской, ознакомиться в КГБ с 50-страничным «Делом № 23561 на Щуцкого Юлиана Константиновича» [13, с. 121]. В 2003 г. основные материалы данного дела опубликовал А.Л. Никитин [28, с. 304–322], благодаря чему выяснилось, что из предложенного нами набора возможных оснований для этой варварской акции – «пребывание в Японии (1928), контакты с японскими учёными и публикация научной статьи на китайском языке в японском журнале (1934), открытое признание себя антропософом и т.п. „преступления“» [20, с. 52] тогдашними чекистами было использовано самое фантастическое – связанная с интересом к антропософии принадлежность к «руководящему ядру» «анархистической организации Орден тамплиеров». Предположение о «японском следе» в деле Ю.К. Щуцкого и сейчас кажется, на первый взгляд, самым правдоподобным и реалистичным, особенно с учётом тогдашней международной ситуации. «Японскими шпионами» были объявлены многие ведущие сотрудники Института востоковедения АН СССР, в частности близкий коллега Ю.К. Щуцкого, оппонент и будущий издатель его диссертации Н.И. Конрад (1891–1970), и даже сам директор института, академик А.Н. Самойлович (1880–1938), который вообще был тюркологом, а не японистом или синологом. Эта версия, разумеется, может рассматриваться в качестве подспудной «истинной причины» разгрома ленинградского востоковедения, но не исключено, что такова лишь наша рационализация полностью иррациональной вакханалии насилия, в которой шли в ход любые, даже самые невероятные и сногшибательные поводы к устранению по разным признакам неудобных лиц.

Конспективно эти трагические события изложены в словаре Я.В. Василькова и М.Ю. Сорокиной: «Основываясь на сохранившихся личных связях между бывшими антропософами и анархистами, следствие, которое вёл мл. лейтенант ГБ Дроздецкий с санкции начальника 4-го отдела УНКВД ЛО капитана ГБ Карпова, сфабриковало дело об „антисоветской“, „анархо-мистической“, „террористической“ организации „Орден тамплиеров“. Показания против Щуцкого были вырваны у незнакомого с ним лично московского архитектора Гориневского и у привезённого на следствие из ссылки Ф.Б. Ростопчина; последний „сознался“ в том, что „завербовал“ Щуцкого в начале 1935, по дороге с работы домой. На втором допросе,

3 сентября 1937 сам Щуцкий, не выдержав моральных и физических пыток, подписал „признание“. Статью заменили на 58-8, 11. 18 февр. 1938 выездной коллегией ВС приговорён к ВМН. В тот же день расстрелян в Ленинграде. Реабилитирован в 1958» [15, с. 433].

Историю «контрреволюционной анархо-мистической террористической организации», к которой якобы принадлежал Ю.К. Щуцкий, подробно осветил А.Л. Никитин в ряде статей, двух монографиях [26; 27] и трёхтомнике документов и фольклорных текстов – «Орден российских тамплиеров» (М., 2003). Его второй том содержит раздел «Дело Ю.К. Щуцкого и А.А. Синягина», включающий в себя обзорную справку «по архследделу П-404162 на Щуцкого Ю.К.» от 02.12.1955, протоколы двух его допросов от 03.09.1937 и 13.09.1937 [28, с. 304–309], а также целый ряд сопутствующих свидетельств из показаний других подследственных. По определению А.Л. Никитина, «в отличие от предыдущих орденов и обществ, тяготевших к оккультизму и магии, движение тамплиеров носило ярко выраженный гностический характер, о чём свидетельствует дошедший до нас корпус орденских легенд и воспоминания участников многочисленных „рыцарских“ кружков. В отличие от других орденов, тамплиерство ставило перед собой две основные задачи: 1) работу над собой как путь служения обществу и человеку и 2) совмещение пути мистического и научного познания мира как борьбу света знания с тьмой невежества. Основой для первого служило евангельское христианство, для второго – попытка соединения древнего гнозиса с современным научным познанием мира. Соответственно, эти две задачи определяли и состав участников движения, от которых требовались не только определённые морально-этические качества, но ещё и достаточно высокое общее образование и культура» [26, с. 20]. Трагическому завершению жизни Ю.К. Щуцкого, запечатлённому в указанных документах, предшествовали следующие события.

Согласно его автобиографическому «Жизнеописанию», написанному в 1935 г. по просьбе В.М. Алексеева и впервые опубликованному нами в 1989 г. [3], ещё во время учёбы в университете (1918–1922) он познакомился с иранистом и тюркологом Е.Э. Бертельсом (1890–1957), который трижды (в 1922, 1925 и 1941 гг.) ненадолго арестовывался и после второго ареста был принуждён к сотрудничеству со спецслужбами [15, с. 66], что позволило ему не только выжить, но и преуспеть в научной карьере, стать членом-корреспондентом АН СССР и некоторых зарубежных академий, лауреатом Сталинской премии (1948) и кавалером ордена Ленина, а также удостоиться других высоких наград. Бывший дворянин Е.Э. Бертельс в 20-е гг. возглавлял один из антропософских кружков, в соответствии с чем стал

глубоким знатоком суфизма и ближневосточной мистики. От него Ю.К. Щуцкий узнал об антропософии Р. Штейнера (1861–1925) [5, с. 57], которая во многом определяла умонастроения интеллектуалов Серебряного века в России, где с 1913 до официальной ликвидации в 1922 г. действовало Русское антропософское общество.

Знакомство с этим «научно-мистическим» учением определило всю дальнейшую судьбу Ю.К. Щуцкого, что он и отразил в своём «Жизнеописании»: «Трудно найти подходящие слова для того, чтобы высказать, как велико значение антропософии в моей жизни. Это незаслуженный подарок от моего самого дорогого, самого любимого и самого прекрасного человека: Рудольфа Штейнера, без духовной поддержки которого моя жизнь давно бы кончилась физическим или моральным самоубийством. Понять всю сложность его учения, понять то, что он сообщил о Христе, мне помогла и своими знаниями, и личным примером Е.И. Васильева. Для этого мне пришлось на протяжении лет напрягать все свои внутренние силы, пришлось всё время стремиться перерастать самого себя в области внутренней культурности, следить за собой непрестанно в отношении жизни, этики, эстетики и познания с максимальной требовательностью. К сожалению, должен признаться, что с этой стороны я не удовлетворён собою. Пусть во внешней жизни за мою любовь к Рудольфу Штейнеру я подвергаюсь репрессиям, презрению и т.д., но всё это – мелочи по сравнению с тем, что я получил от него в дар: если мировоззрение человека можно ощутить как систему духовных координат, то в этой системе он помог мне найти её центр: Христа. Бесконечно много ещё потребуются работы для того, чтобы ещё больше и глубже подвинуться в Его познании, пусть, несмотря на годы работы, сделано ещё очень мало (ведь познание Его равносильно достижению всеведения, всемогущества, вселюбви), но всё же познано самое главное: направление духовной жизни, известен центр координат» [5, с. 57–58].

Упомянутая в цитате Е.И. Васильева (Дмитриева, Черубина де Габриак, 1887–1928) – поэт-философ трагической судьбы, по определению А.Н. Толстого (1882/1883–1945), «одна из самых фантастических и печальных фигур в русской литературе». С ноября 1918 г. она вместе с мужем (инженером-мелиоратором В.Н. Васильевым) спасалась в Екатеринодаре (Краснодаре), где 20 марта 1921 г. они на неделю были арестованы за дворянское происхождение, а в мае 1922 г. в сопровождении близких друзей – видного антропософа Б.А. Лемана (1882–1945) и своего соавтора по работе в детской литературе С.Я. Маршака (1887–1964) вернулись в Петроград. Там летом

Е.И. Васильева и познакомилась с Ю.К. Щуцким, своё отношение к которому выразила в письме М.А. Волошину (1877–1932) от 03.02.1923: «В мою жизнь пришла любовь... Он гораздо моложе меня, и мне хочется сберечь его жизнь. Он антропософ и китаевед» (цит. по [12, с. 238]). Он же через 13 лет в «Жизнеописании» признался: именно она «собственно сделала меня человеком» и через годы после смерти «продолжает быть центром моего сознания как морально творческий идеал человека» [5, с. 57].

В начале знакомства Ю.К. Щуцкий, судя по стихотворному описанию В.М. Алексеева от 11 января 1922 г., имел весьма игривый облик: «Очки подгривики, дубина и овчина, // Матросский etwas с бантиком bebe ...// Но он философ, верен сам себе, // Писать стихи и знаки молодчина» (цит. по [12, с. 224]). В 1924 г. в одном из посвящённых ему стихотворений Е.И. Васильевой Ю.К. Щуцкий выглядит иначе: «Ты своею душой голубиной // Навсегда затворился в скиту» («Чудотворным молилась иконам...»). Помимо увлечения поэзией, музыкой и живописью основой их сближения стала именно приверженность к антропософии. Ещё в 1913 г. Е.И. Васильева получила от самого Р. Штейнера титул Garant'a Русского антропософского общества, а 02.02.1914 стала его председателем.

Атмосферу, в которой происходило их общение, Е.И. Васильева в одном из первых посвящённых Ю.К. Щуцкому стихотворений (01.11.1922) образно выразила с помощью красного цвета, объединяющего коммунистическую и inferнальную символику: «Красное облако стелется низко, // Душный и дымный огонь...// Дьявольской бездны печать...». В последний год её жизни В.М. Алексеев в стилизованной под Пу Сун-лина (1640–1715) пародии на Ю.К. Щуцкого «Студент Чу» шутивно обыграл синий цвет как общий символ обольстившей студента Чу (Щуцкого) «тайной секты Синих Чулков» (антропософских дам) и противоположной «секты Синих Чертей» (синих мундиров), чиновный адепт которой арестовал его [5, с. 53–54; 18].

В 1926 г. Е.И. Васильева поступила на работу в Библиотеку АН СССР (Ленинград), однако уже 24 (?) апреля 1927 г. вместе с Б.А. Леманом и своей подругой, также антропософом и поэтессой Л.П. Владимировой (Брюлловой, 1886–1954) подверглась аресту и обвинению по статье 58–11: «активная борьба с рабочим классом при царском правительстве и при белых». 1 июня была освобождена, но через месяц уже из-за принадлежности к антропософскому обществу вновь арестована, выслана из Ленинграда и этапом отправлена в Екатеринбург, откуда ещё через месяц перебралась к мужу в Ташкент, где и скончалась в конце следующего года от рака печени.

В последнем изгнании 16 августа 1927 г. её посетил Ю.К. Щуцкий, проведший в Ташкенте месяц. Результатом этой встречи явилось создание Е.И. Васильевой цикла стихотворений «Домик под грушевым деревом», стилизованного под китайскую поэзию и приписанного поэту Ли Сян-цзы. Этот, пришедший на смену французскому (Черубина де Габриак) от франкофила М.А. Волошина, китайский псевдоним придумал Ю.К. Щуцкий. С одной стороны, он фонетически соответствует имени Васильевой – Елизавета (Елисавета), с другой – семантически отражает реальную ситуацию её проживания в Ташкенте в домике под грушевым деревом: в переводе с китайского Ли Сян-цзы буквально означает Философ Грушевого Флигеля. В написании стилизованного прозаического предисловия к «Домик под грушевым деревом», впервые изданному в 1988 г. (Новый мир, № 12), также участвовал Ю.К. Щуцкий.

Тогда же Е.И. Васильеву навестила художница и скульптор из Нижнего Новгорода Р.Н. Николаева (1893–1937), интересовавшаяся антропософией и причастная к востоковедению как иллюстратор иранских мифов. Познакомившись с Ю.К. Щуцким, она в 1935 г. переехала в Ленинград, где поселилась в его квартире и стала выполнять договорные работы для ИВ АН СССР. В это время общение с «сектой Синих Чулков» уже утратило какие-либо шуточные черты, и Ю.К. Щуцкий в «Жизнеописании» с болью отметил, что за приверженность антропософии «подвергается репрессиям, презрению и т.д.».

Поразительным пророчеством звучат следующие слова из этого документа: «Рудольф Штейнер указывал на критическую дату в развитии современности, на годы, начинающиеся 1935 годом, когда постепенно и для всё большего количества подготовленных людей произойдёт событие такой же важности, как Мистерия Голгофы» [5, с. 58]. Как раз на рубеже 1934–1935 гг. начал раскручиваться спровоцированный убийством С.М. Кирова (1886–1934) маховик массовых репрессий. Именно в день его гибели Постановлением от 1 декабря 1934 г. ЦИК и СНК СССР внесли «следующие изменения в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик по расследованию и рассмотрению дел о террористических организациях и террористических актах против работников советской власти: 1. Следствие по этим делам заканчивать в срок не более десяти дней. 2. Обвинительное заключение вручать обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дела в суде. 3. Дела слушать без участия сторон. 4. Кассационного обжалования приговоров, как и подачи ходатайств о помиловании, не допускать. 5. Приговор к высшей мере наказания приводить в исполнение немедленно по вынесении приговора». Столь

далёкой от подлинного правосудия процедуре, действительно напоминающей судилище в Иерусалиме, приведшее к восхождению на Голгофу, и подвергся через три года автор «Жизнеописания».

19 марта 1937 г. как «активный анархист» был арестован художник-архитектор и бывший дворянин Г.В. Гориневский (1892/1993–1966), который через два дня на допросе 21.03.1937 признал, что в 1929 г. примкнул к Ордену тамплиеров, но в конце заявил: «Назвать фамилии лиц, разделяющих мое анархо-мистическое мировоззрение и входивших в „Орден тамплиеров“, отказываюсь по морально-этическим соображениям» [28, с. 263]. Однако через две недели на допросе 05.04.1937, видимо, после применения особых мер воздействия, всё рассказал не только о знакомых, но и незнакомых людях, в частности, о том, что «ленинградскую группу анархо-мистиков» возглавляет известная ему с 1929 г. художница Р.Н. Николаева, которой он в 1936 г. передал «несколько (1–2) мистических легенд» и под идеологическим влиянием которой находятся проживающие с нею в одной квартире «некто Шумские или Щуцкие (муж и жена)» [28, с. 264]. Через месяц, 8 мая Р.Н. Николаеву арестовали на квартире Ю.К. Щуцкого и предъявили ей аналогичное обвинение в принадлежности к «контрреволюционной анархо-мистической террористической организации „Орден тамплиеров“». На допросах 8 мая и 13 июля Ю.К. Щуцкого она не упоминала, а 14 сентября и на очной ставке с ним 16 сентября категорически отвергла его «изобличения в антисоветской деятельности» и отказалась давать показания. 5 октября Особой Тройкой УНКВД ЛО была приговорена к высшей мере наказания по ст. 58–10, 11, каковой приговор был приведён в исполнение 9 октября [28, с. 318–319]. Не проявивший столь завидной твердости Г.В. Гориневский получил 05.07.1937 от ОСО НКВД 5 лет Ухтпечлага НКВД, т.е. не максимально возможный от этой внесудебной инстанции с апреля 1937 г. 8-летний лагерный срок. По тому же обвинению он вторично в 1951 был арестован и выслан в Красноярский край, но выжил и пережил свою реабилитацию 1960 г. в Крыму.

На допросах в апреле–мае (05.04 и 25.05.1937) [28, с. 264, 267] Г.В. Гориневского склоняли к показаниям на ираниста Ф.Б. Ростопчина (1904–1937), который ещё 11.02.1937 был арестован в Бухаре за «контрреволюционную агитацию троцкистско-фашистского характера». Ф.Б. Ростопчин ранее служил в Красной армии (1918–1921) и состоял в комсомоле (1919–1921), кратковременно арестовывался ГПУ в Москве (10–23.06.1927) и НКВД в Ленинграде (15–17.03.1935), после чего 27.03.1935 как «дворянин, сын бывшего графа и царского чиновника» был выслан на 5 лет сначала в г. Челкар КазАССР, а затем 25.12.1935 в Бухару, служил и жил в Бухарском государственном

музее. Там через 12 дней после ареста, с висельным юмором в День Красной Армии и Флота 23 февраля его признали виновным по предъявленной ст. 66 ч. 1 УК УзССР, однако 12 мая на него поступил запрос ГУГБ НКВД из Москвы, куда он и был доставлен через месяц (11 или 12 июня). Несмотря на действительно чистосердечные признания в заблуждениях, ещё через полтора месяца по приговору ВК ВС СССР 29.07.1937 он был расстрелян. По Указу Президента СССР реабилитирован накануне крушения СССР – 06.05.1991 г.

В искренних и наивных показаниях 13 июля 1937 г. Ф.Б. Ростопчин покаянно сообщил, что незадолго до своего ленинградского ареста в марте 1935 г. завербовал в «контрреволюционную анархистскую организацию» Орден тамплиеров Ю.К. Щуцкого [28, с. 293–294]. В качестве «рыцаря Ордена» он охотно подтвердил общую схему следственной аргументации: анархисты как антигосударственники суть террористы, а мистики – духовные анархисты, разновидность которых – тамплиеры в организационной форме своего Ордена с помощью мистической литературы и религиозных легенд проводят вербовку антисоветских элементов и их идеологическую обработку в контрреволюционном духе.

Пока собирались подобные «сказочные» наветы, Ю.К. Щуцкий готовился к защите докторской диссертации, блестяще защитил её 3 июня 1937 г. и отправился в отпуск отдыхать с семьёй на даче в посёлке Питкелово Ленинградской области, откуда 2 августа был «изъят» органами госбезопасности. На первом допросе, состоявшемся на следующий же день после ареста, 3 августа он сообщил, что до 1927 г. состоял в нелегальном антропософском кружке, в который входили супруги Васильевы и ещё четыре человека, но потом кружок распался, а также назвал имена ещё шести антропософфов, включая Е.Э. Бертельса, но добавил, что они по большей части от этого увлечения уже отошли [28, с. 304–305]. В начале состоявшегося уже через месяц, 3 сентября, гораздо более серьёзного допроса подследственный попытался интеллигентно возражать против обвинения в «антисоветской деятельности» и «участии в контрреволюционной анархо-мистической организации», заявляя, что не является антисоветским человеком, хотя и не согласен с карательной политикой и насилием над личностью со стороны ВКП(б) и Советской власти.

Изъятую при обыске мистическую литературу признал своею и полученною от Р.Н. Николаевой, указав, что «тамплиерское учение – это обычный мистицизм и никакой политической ориентации не имеет» [28, с. 306]. Но тут вместо вопроса последовало стальное утверждение следователя: «Вы совсем запутались. Нам хорошо известно,

что тамплиерское учение, или „Орден тамплиеров“, как себя именуют сторонники этого учения, является типичной разновидностью анархизма, типичным представителем которого Вы являетесь. Говорите правду» [28, с. 306].

И вдруг, как по мановению волшебной палочки, роль которой в застенках играли разные тяжёлые предметы, подследственный начал активно сотрудничать со следствием и сделал заявление: «Я хочу заявить, что на предыдущих допросах, отрицая факты своей принадлежности к антисоветской организации, я сознательно пытался ввести следствие в заблуждение с целью избежать ответственности за ту антисоветскую работу, которую я вёл в Ленинграде [...].

Я являюсь участником к.-р. анархо-мистической организации, именующей себя „Орден тамплиеров“. В эту организацию я был завербован в 1935 г. – РОСТОПЧИНЫМ Фёдором Борисовичем, с которым я в том же году вместе работал в Институте востоковедения в гор. Ленинграде [...].

В марте 1935 г. я шёл из Института востоковедения вместе с РОСТОПЧИНЫМ. По дороге, разговорившись со мной, РОСТОПЧИН мне рассказал, что существуют древне-мистические традиции, с которыми он, при моем согласии, может меня ознакомить, и одновременно заметил, что ему известны мои интересы к мистическим системам.

В разговоре он не упомянул, какое мистическое учение он имел в виду, но заметил, что точно ознакомит меня с ним в случае, если я дам согласие примкнуть к этому течению. Я счёл необходимым предварительно ознакомиться со всем тем, что мне говорил РОСТОПЧИН, и поэтому, не дав ему положительного ответа, предложил зайти ко мне для разговора по поводу окончательно принятого мною решения. Вскоре, как и было условлено, РОСТОПЧИН зашёл ко мне на квартиру по адресу ул. Декабристов 9, кв. 2.

В эту вторичную встречу РОСТОПЧИН мне прямо заявил, что ему известны мои антисоветские настроения, и предложил мне принять участие в анархо-мистической организации, на что я дал согласие. Тогда же он мне сказал, что организация носит название „Орден тамплиеров“, и информировал меня о том, что она насчитывает в своих рядах много сторонников, и назвал одну из них – НИКОЛАЕВУ Римму Николаевну, с которой он поручил мне установить связь. НИКОЛАЕВОЙ были хорошо известны мои антисоветские настроения, и, по-видимому, по её рекомендации я и был завербован РОСТОПЧИНЫМ, который так смело и подошёл к вербовке меня в организацию [...].

Практическая деятельность моя и других участников нашей организации заключалась, главным образом, в организации систематических нелегальных совещаний, на которых мы прорабатывали имевшуюся у нас анархо-мистическую литературу [...].

Основная же практическая деятельность нашей организации шла по линии вербовки новых участников и привлечения их к антисоветской работе. В этой связи я хочу ещё кратко отметить, что из себя представляет „Орден тамплиеров“, так как я в начале допроса дал следствию совершенно ложное понятие о нём, когда утверждал, что тамплиерство ничего общего с политикой не имеет.

Мистическое учение, именуемое „Орденом тамплиеров“, – это, по существу, маскировка нашей анархистской организации, используемая при вербовке новых участников в организацию. На самом же деле, это глубоко законспирированная организация анархистского направления. Участников своих организация воспитывает вражды (так в тексте. – *А.К.*), прививает им волевые качества и обрабатывает их на самопожертвование с таким расчётом, чтобы выковать из рядового участника организации вполне способного в любой момент выступить для борьбы с Советской властью и её представителями любыми активными средствами вплоть до террора.

В этих-то целях организация широко использует мистицизм, вырабатывая из её членов фанатиков, способных на любые дела самопожертвования в интересах организации» [28, с. 306–308].

В конце допроса прозвучало самое страшное: «Следствию известно, что Вы не только обсуждали вопросы террора с названными лицами, но принимали участие в террористической деятельности организации. Дайте правдивые показания», – на что несчастный мистик, пойманный с поличным, и, видимо, совершенно измученный, смог лишь вымолвить: «Я сказал правду, и всё, что забыл, постараюсь вспомнить и дополнить свои показания на следующем допросе» [28, с. 308].

Состоявшийся через десять дней, 13 сентября, следующий допрос начался с очередного саморазоблачения: «на предыдущих допросах я скрыл от следствия, что на квартире у меня хранятся запряганные мною контрреволюционные мистические материалы, которые мне были переданы на хранение НИКОЛАЕВОЙ Риммой, участницей нашей контрреволюционной организации [...] Передавая мне эти материалы, НИКОЛАЕВА мне сказала, что это мистические легенды, и предупредила, чтобы я их спрятал в надёжном месте. Я так и сделал и запрягал эти документы внутри фисгармонии у себя на квартире, где они и сейчас находятся. Кроме того, на квартире у меня ещё имеются

„тамплиерские“ легенды, которые мною получены от РОСТОПЧИ-НА также в 1935 г. Эти легенды записаны мною по конспиративным соображениям стенографическим письмом по системе Лапекина. Запись сделана в коричневой тетради, которая хранится в книжном шкафу, стоящем в моей комнате направо от окна.

Мне известно, что у организации имелось много таких контрреволюционных документов [...] у организации существуют копии тамплиеровских легенд, которые зарыты в землю. Один экземпляр где-то около Москвы, и другой около Петергофа [...].

Имея желание наиболее полно осветить всю контрреволюционную деятельность свою и других участников нашей контрреволюционной анархистско-мистической организации, я хочу рассказать следствию ещё об одном факте, на основе которого следствие могло бы объективно оценить причины моего отрицания на предыдущих допросах своей и других участников контрреволюционной деятельности.

Мне было известно, что наша организация практиковала месть. Участники её ни при каких обстоятельствах и особенно на следствии не должны были выдавать организацию» [28, с. 308–309]. В конце протокола приведён пример подобной мести, состоявшей в «причинении всяких неприятностей по службе и в личной жизни», и под ним отсутствует личная подпись допрашиваемого, видимо, совершенно лишившегося моральных или/и физических сил [28, с. 309]. После признаний в хранении нелегальных легенд в этот же день произошёл обыск в квартире Ю.К. Щуцкого.

На допросе 26 октября дело дошло до того, что подследственный заявил об «участии в чтении тамплиеровских материалов» [28, с. 309] его жены Щуцкой И.Д. (в девичестве Алексеева, 1909–1954), «полнейший резонанс дружбы» с которой он отмечал в «Жизнеописании» [5, с. 60].

Душераздирающая история завершилась 20-минутным «судебным заседанием» 18 февраля, на котором Ю.К. Щуцкий подтвердил все свои показания на предварительном следствии, после чего был осуждён и расстрелян в тот же день [28, с. 305–306].

Если не знать всех ужасных внетекстовых обстоятельств, приведённые документы сами могут показаться какой-то псевдоготической «легендой», извращённым отражением полудетской или романтической игры в «тайную организацию». Если забыть про точную практику тех достопамятных времён, то можно даже предположить, что Ю.К. Щуцкий шутил со следователем, раскрывая ему страшные тайны о секретных обсуждениях нелегальной древней литературы и ужасной мести в виде исключения из игры.

Однако эту «постмодернистскую» версию опровергают и внутри-текстовые признаки – лексика и стилистика явно не из речевого обихода высококультурного учёного и литератора. Эти шрамы лексического насилия были сразу же замечены его матерью А.Ю. Щуцкой (1867–1942), по свежим следам после неправомерной и скрываемой казни сына вызванной в НКВД. Более чем выразительно сцена посещения ею вместе с дочерью Галиной кабинета следователя на Литейном проспекте описана в гл. 20 мемуаров М.Н. Соловьёвой:

«„Щуцкий Ю.К. осуждён по статье № 58 Уголовного кодекса СССР на десять лет лишения свободы в дальних лагерях без права переписки“.

– Вам предоставлена возможность пребывания в Ленинграде при условии подписки о невыезде [...]. В случае нарушения последуют репрессии [...].

– Как могли осудить его без суда и адвоката? Без опроса свидетелей и защиты? [...]

– Выдумки буржуазного судопроизводства. Главное доказательство виновности – это показания самого обвиняемого. Вот они [...].

Почерк был до боли знаком. Он был родным, и буквы казались живыми и говорящими больше, чем слова. Потому что слова были невозможными: „Признаю, что я матёрый контрреволюционер и вредитель...“ Галя тоже читала и не верила глазам.

Он признавался, что сразу после революции начал активную „подрывную деятельность“, намеренно вредя развитию советского общества. Он „готов разоружиться“ как „вредитель и саботажник“, который совершал с целью разложения сознания советских людей различные „вылазки“. В конце он соглашался, что подобных ему следует „выкорчёвывать из общества“, и ещё что-то в том же духе [...].

– Почерк его [...] но... но слова – нет! Никогда в жизни он таких слов не произносил: матёрый, двурушник, вылазки... Это не его слова!

– Вы тут не разводите агитацию! – отрезал чин. – Забыли, где ходите? Ваш сын – завербованный агент и враг народа! [...]

Пройдёт много лет, и в 1958 году такой же чин объявит о смертной реабилитации Юлиана Константиновича Щуцкого „за отсутствием состава преступления“» [31, с. 125–126].

Как ни удивительно, антропософское мировоззрение не только погубило Ю.К. Щуцкого, но и стало основой его профессиональной – синологической деятельности и даже конкретной специализации в ней, приведшей к самому главному научному достижению, ставшему одной из вершин отечественной синологии, – исследованию и переводу

китайской «книги книг» *Чжоу и* («Чжоуские/Всеохватные перемены»), или *Ицзина* («Канон перемен»). Соответствующее признание он сделал в «Жизнеописании»: «Антропософия оказывает влияние и на мою научную жизнь: культура Китая содержит в себе наследие той поры в истории человечества, о которой греческий миф рассказывает как об Атлантиде. Это может показаться странным на первый взгляд, но это вполне убедительно, если брать это во всей полноте оккультной истории человечества. Как столетие тому назад европейское человечество получило наследие от Индии, древнейшей послеатлантической культуры, так мы стоим перед гранью, за которой должно быть дано наследство Атлантиды, сохранённое в китайской культуре (особенно в даосизме и отчасти в „Книге перемен“») [5, с. 59].

Согласно хронотопологической помете, демонстративно вынесенной в заглавие рукописи, свой труд о *Чжоу и* Ю.К. Щуцкий начал в Осаке в 1928, а закончил в Ленинграде в 1935 г. Эти даты и места весьма символичны. О роковом для города (Ленинграда) и мира 1935 годе было сказано выше. 1928-й – год смерти Е.И. Васильевой, а также, по признанию автора «Жизнеописания», осознания им именно в Японии и прежде всего в связи с Е.И. Васильевой возможности особых близких отношений («дружбы») с людьми, от которых он отделён временем, пространством и даже самой смертью [5, с. 59]. В целом это подтверждает, что свой труд Ю.К. Щуцкий рассматривал как духовное послание дружественным душам за пределы своего физического существования.

По свидетельству М.Н. Соловьёвой, мать Ю.К. Щуцкого Антонина Юлиановна, умершая в блокаду Ленинграда от голода, перед смертью предрекла: «Пройдёт 50 лет, и имя Юлиана будут повторять с уважением и достоинством» [31, с. 126]. Возможно, не только голод свёл её в могилу в феврале 1942 г., в том же месяце, когда погиб её сын. Поразительно осуществление её предсмертного пророчества: ровно через 50 лет, в феврале 1992 г. был впервые сдан в набор обессмертивший его имя главный труд жизни во всей сохранившейся полноте и с достоверным рассказом о трагической судьбе автора [5]. Это полное, текстологически выверенное и подробно прокомментированное издание «Китайской классической „Книги перемен“» 1993 г. за последующие 10 лет увидело свет ещё три раза общим тиражом 22000 экземпляров [5; 7], количество же экземпляров её коммерческих публикаций, основанных на неполном и не вполне точном издании 1960 г., видимо, на порядок больше.

Но и этим не ограничилось возвращение из небытия плодов деятельности Ю.К. Щуцкого. После опубликования в 1993 г. указанной

монографии вышли в свет его две не издававшиеся статьи «Ритм и параллелизм в китайском языке» (в соавторстве с Б.А. Васильевым) [1] и «Дао и Дэ в книгах Лао-цзы и Чжуан-цзы» [6], две прежде издававшиеся «Даос в буддизме» [8] и «Основные проблемы в истории текста Ле-цзы» [9], переиздана «Антология китайской лирики (VII–IX вв.)» [2]. Сами его творчество и личность стали предметом значительного числа исследований, энциклопедических статей, мемуаров и архивных изысканий, которые в дополнение к ранее зафиксированным нами в «Библиографии работ Ю.К. Щуцкого и о нём» [21] представлены ниже.

Произведения Ю.К. Щуцкого, опубликованные посмертно

1. *Васильев Б.А., Щуцкий Ю.К.* Ритм и параллелизм в китайском языке / Публ. и прим. *А.М. Решетова* // Петербургское востоковедение. Вып. 6. СПб., 1995. С. 554–573.
2. Дальнее эхо: Антология китайской лирики (VII–IX вв.). В переводах Ю.К. Щуцкого. СПб., 2000.
3. *Щуцкий Ю.К.* Жизнеописание / Публ. и прим. *А.И. Кобзев* // Проблемы Дальнего Востока. М., 1989. № 4. С. 148–155. – То же: *Щуцкий Ю.К.* Китайская классическая «Книга перемен» / Сост. *А.И. Кобзев*. – 2-е изд., испр. и доп. М., 1993, 1997, 2003. С. 55–63; *Щуцкий Ю.К.* Китайская классическая «Книга перемен»: в двух томах / Сост. *А.И. Кобзев*. СПб., М., 2000. Т. 1. С. 109–126.
4. *Щуцкий Ю.К.* Китайская классическая «Книга перемен» / Сост. *Н.А. Петров*, отв. ред. *Н.И. Конрад*. М., 1960.
5. *Щуцкий Ю.К.* Китайская классическая «Книга перемен» / Сост. *А.И. Кобзев*. – 2-е изд., испр. и доп. М., 1993. – То же: М., 1997, 2003.
6. *Щуцкий Ю.К.* Дао и Дэ в книгах Лао-цзы и Чжуан-цзы / Публ. и прим. *А.И. Кобзева* // От магической силы к моральному императиву: категория *дэ* в китайской культуре / Сост. *Л.Н. Борох* и *А.И. Кобзев*. М., 1998. С. 329–339.
7. *Щуцкий Ю.К.* Китайская классическая «Книга перемен»: в двух томах / Сост. *А.И. Кобзев*. Т. 1, 2. СПб., М., 2000.
8. *Щуцкий Ю.К.* Даос в буддизме (1927) / Прим. *К.М. Тертицкого* // Религиозный мир Китая: 2005 / Ред. *И.С. Смирнов*. М., 2006. С. 165–180.
9. *Щуцкий Ю.К.* Основные проблемы в истории текста Ле-цзы (1928) / Прим. *К.М. Тертицкого* // Религиозный мир Китая: 2005 / Ред. *И.С. Смирнов*. М., 2006. С. 181–192.

Литература о Ю.К. Щуцком

10. *Баньковская М.В.* Семь ярких вспышек // Петербургское востоковедение. Вып. 4. СПб., 1993. С. 409–416. – То же: Проблемы Дальнего Востока. М., 1993. № 1. С. 145–146.
11. *Баньковская М.В.* «Памятка» – в напоминание: к двум датам биографии Ю.К. Щуцкого // Петербургское востоковедение. Вып. 9. СПб., 1997. С. 476–500.

12. Баньковская М.В. «К воспитанию души моей...» // Дальнее эхо: Антология китайской лирики (VII–IX вв.) / В переводах Ю.К. Щуцкого. СПб., 2000. С. 219–244.
13. Баньковская М.В. «Благоприятна стойкость...»: из мемуаров о Ю. Щуцком // Восток – Запад: Историко-литературный альманах: 2003–2004. М., 2005. С. 117–122. – То же в сокращении: Вестник. Балтимор, 2003. № 4 (315). С. 42–45.
14. Блюмхен С.И., Комиссаров С.А. История изучения «И цзина» («Книги перемен»). Новосибирск, 1991. С. 3–6.
15. Васильков Я.В., Сорокина М.Ю. Люди и судьбы: Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб., 2003.
16. Елесин Д.В. К биографии Ю.К. Щуцкого (1897–1938) // 25-я научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1994. С. 72–77.
17. Зинин С.В. «Книга перемен»: Нанять китайца в менеджеры (Рец. на:] Щуцкий Ю.К. Китайская классическая «Книга перемен» / Сост. А.И. Кобзев. – 2-е изд., испр. и доп. М., 1993) // Огонёк. М., 1993. № 37. С. 19.
18. Кобзев А.И. Победа синих чертей (о Ю.К. Щуцком) // Проблемы Дальнего Востока. М., 1989. № 4. С. 142–147. – То же: Наука и религия. М., 1991. № 4. С. 28–31.
19. Кобзев А.И. Произведения Ю.К. Щуцкого. Литература о Ю.К. Щуцком и его произведениях // Проблемы Дальнего Востока. М., 1989. № 4. С. 155–156.
20. Кобзев А.И. Краткая биография Ю.К. Щуцкого // Щуцкий Ю.К. Китайская классическая «Книга перемен» / Сост. А.И. Кобзев. – 2-е изд., испр. и доп. М., 1993, 1997, 2003. С. 50–54. – То же: Щуцкий Ю.К. Китайская классическая «Книга перемен»: в двух томах / Сост. А.И. Кобзев. СПб., М., 2000. Т. 1. С. 98–108.
21. Кобзев А.И. Библиография работ Ю.К. Щуцкого и о нем // Щуцкий Ю.К. Китайская классическая «Книга перемен» / Сост. А.И. Кобзев. – 2-е изд., испр. и доп. М., 1993, 1997, 2003. С. 68–70. – То же с доп.: Щуцкий Ю.К. Китайская классическая «Книга перемен»: в двух томах / Сост. А.И. Кобзев. СПб., М., 2000. Т. 1. С. 135–141.
22. Кобзев А.И. Щуцкий Ю.К. // Большая Энциклопедия Кольера (Кругосвет) www.Krugoswet.ru. М., 2002.
23. Меньшиков Л.Н. Ю.К. Щуцкий – поэт и переводчик китайской классической поэзии // Дальнее эхо: Антология китайской лирики (VII–IX вв.) / В переводах Ю.К. Щуцкого. СПб., 2000. С. 7–22.
24. Милибанд С.Д. Библиографический словарь отечественных востоковедов. 2-е изд., перераб. и доп. Кн. II. М., 1995. С. 672–673; она же. Востоковеды России: XX – начало XXI в.: библиографический словарь: в 2 кн. Кн. II. М., 2008. С. 693–694.
25. Неизвестные страницы отечественного востоковедения. Вып. 3. М., 2008.

26. *Никитин А.Л.* Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в Советской России. М., 1998. – То же: 2000.
27. *Никитин А.Л.* Тайные ордены в Советской России: Тамплиеры и розенкрейцеры. М., 2006.
28. Орден российских тамплиеров. Том II. Документы 1930–1944 гг. / Публ. и коммент. *А.Л. Никитина*. М., 2003. С. 264, 293–294, 304–322.
29. *Решетов А.М.* Вместо послесловия // Петербургское востоковедение. Вып. 6. СПб., 1995. С. 573–578.
30. *Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения. М., 1977.
31. *Соловьёва М.Н.* Главы из жизни Юлиана Щуцкого (По рассказам его сестры Галины Щуцкой-Соловьёвой, письмам и воспоминаниям) // Восток–Запад: Историко-литературный альманах: 2003–2004. М., 2005. С. 122–126.
32. *Уолтерс Д.* «Книга Великой Тайны»: забытое дополнение к «Книге Перемен». К., 2002. С. 7.
33. Щуцкий Юлиан Константинович // Китайская философия: Энциклопедический словарь. М., 1994. С. 510–511.
34. Щуцкий Юлиан Константинович (1897–1937) // Российский гуманитарный энциклопедический словарь: в 3-х томах. М., СПб., 2002. Т. 3. С. 647.
35. *Rutt R.* The Book of Changes (Zhouyi). L., N.Y., 1996. Pp. 78–79. – То же: 2002.